

РУССКИЕ НОВОСТИ

№ 84

20 DECEMBRE 1946

Les Nouvelles Russes

Выходит по пятницам

2-й ГОД ИЗДАНИЯ
Deuxième Année

Tous les vendredis

PRIX DU NUMERO

10 frs

РЕДАКТОР А. ●. СТУПНИЦКИЙ

Адрес Редакции и Конторы :

203, rue St Honoré — PARIS I. TEL: OPERA 01-93

Rédacteur en chef A. Stoupnitzky

Сквозь „ночь и туман“

Книга о Чехове

В ТРАГИЧЕСКИЙ эпизод нашей литературы, с некоторой натяжкой, можно было бы включить и имя Ирины Немировской. Правда, очутившись с первой полной эмиграции в Париже и пройдя уже французскую школу (во всех смыслах), Немировская — киевлянка по рождению — писала исключительно по-французски и, вполне оформившись, жила как-то вне нашего „маленького города“. Однако, в ее богатом литературном наследстве русские корни отчетливо проступают наружу. Это сказывается не только в том, что жизненный путь большинства ее героев совпадает с типами ее собственной жизни — война, революция, изгнание — но и потому, что их психология, какой-бы вымышленный паспорт они ни носили, в чем-то основном всегда оставалась ближе к психологии нашего „буржуазного“ общества, развешенного по Европам, нежели к мироощущению европейскому.

Очень быстро и прочно завоевав себе здесь литературное имя, Немировская всегда оставалась русской, пишущей по-французски. В манере ее письма всегда присутствовало по вполне осязаемое, что тотчас выдает русского автора; может-быть, то самое, что с полуслова определяет русского уроженца, в разговоре бесцельно пытающегося с некоторой искусственной щеголеватостью „по-парижски“ рулировать французские „р“, овладеть которыми невозможно. И эта особенность, эта неразрывная связь с русской традицией особенно четко обнаруживается в посмертной ее книге о Чехове, даже не столько в самом выборе темы, трудной и ответственной, сколько в отдельных деталях ее трактовки.

Irene Nemirovsky. La vie de Tchekov. Avant-propos de J.-J. Bernard. Editions Albin Michel. Paris. 1946. 259 pages.

Трудно и всегда больно писать о посмертной книге. Но это чувство особенно заостряется, когда, читая свежее отпечатанный том, еще пахнущий типографской краской, не можешь отогнать мысли, что молодая и столь одаренная жизнь пресекалась в неостигаемом аду германского концлагеря, в предельном внутреннем одиночестве, в оторванности, в полной безисходности.

В каталоге жертв еще одно имя. Что оно может значить на весах текущей жизни? Что оно значит сегодня перед неизбежным забвением, в свете нашей суетливой и все сглаживающей повседневности? Со всеми видами ужаса мы давно свыклись и предвещаем не замечать их. А все-таки то, что в этом страшном и нескончаемом списке встречается и это имя, и то, что сегодня — через столько-то лет, точно наперекор „ночи и туману“ — появляется ее книга, напоминает читателя лишним трепетом, от которого не отделаться пока не закроешь ее на последней странице, пока какие-то очередные заботы не отведут мысли от той, кто с такой заботливой сосредоточенностью и вниманием некогда наклонялась над бумагами, сочинениями, письмами последнего своего „героя“, первого живого человека, пошедшего в ее воображаемый мир.

Книга эта писалась с нежностью, даже с оттенком обожания, уже редкого среди молодых поколений и присутствующее скорее младшим современникам Чехова (вот только неожиданно оно еще проскальзывает в дневниках Катрин Мансфильд). Вся она проникнута не только глубочайшим пиететом к его памяти, но и постоянной озабоченностью не сказать ничего лишнего, не допустить никакой „отсебятин“, которая могла бы поколебать того, кому эти страницы посвящены.

В борьбе между чувством и фактическим материалом, с которыми это чувство не

всегда способно мириться, Немировская прямо стремилась быть историчной. Тем не менее книга ее вышла почти лирической. Ее преклонение перед любимым писателем в каких-то частностях заслоняло то, что принято называть „неприкрашенной правдой“. Оттого она оставляет в тени все, что ей казалось лишним. Но все-же образ, который дает эта книга — образ цельный и в основных чертах точный, трогательный без слащавости, любовно вылепленный без лубочности. А ведь следует признать, что биография Чехова — тема весьма неблагоприятная. Для звонкого „жизнеописания“ она мало подходит: недолгая его жизнь протекала без внешних эффектов, лишена она тех театральных ситуаций, из которых составляют затем пышные сценарии.

По единогласному показанию свидетелей, Чехов до конца дней был очень замкнут и душевно одинок. Он не просто занес в свою записную книжку: „Как одиноко буду лежать в могиле, так, по существу, я и живу один“. Таким он был в тяжелые годы жизни — таким оставался и в годы славы (не менее тяжелые), с близкими, с друзьями... Впрочем, были ли у него друзья в настоящем значении слова?

Чеховская литература у нас весьма бедна. Хорошей биографии писателя до сих пор не существует. При всех своих мелких недостатках, при некотором отсутствии перспективы, книга Немировской восполняет какое-то пустое место.

Французская критика отмечала, что то, что Пютоев сделал для понимания чеховского театра, Немировская сделала для понимания его личности. В глазах иностранцев Чехов остается „русским Мопассаном“. Рассчитывая на его широкую популярность едва ли возможно, но то, что ее книга сможет этому содействовать, что она сможет заразить читателя своей любовью — бесспорно. В этом ее основная заслуга.

Да и читателю русскому будет небезинтересно ознакомиться с тем обилием фактических сведений, которые Немировская на этих страницах излагает с увлеченностью, свойственной ее прирожденному таланту романистки.

Александр Бурлак.